

Мемуары Вадима Ясного «Год рождения - девятьсот семнадцатый» обнаружила в Интернете наша коллега по редакции Александра Шкилева. Вадим Ясный - поэт, переводчик, литературовед. Родом из революционной семьи, что сыграет в конечном итоге свою печальную роль. Потому что, как пишет Ясный, «система в тридцатые годы была такова»...

Прошедшее время:

Сначала арестовывали отца - «врага народа», потом его жену, детей, других членов семьи. Так случилось и с Вадимом Ясным. К тому времени он был уже студентом института философии, литературы, искусства. Время родителей уже прошло (1937 год). Настало время детей. Сначала были арестованы его друзья по институту - Ханка Ганецкая и Едка Муралова. Отец Ханки был одним из организаторов социал-демократии Польши и Литвы, видным деятелем Коминтерна, другом Ленина. В Кремле их семьи жили по соседству, и Ханку даже прозвали «внучкой Ленина». Едка была дочерью Александра Муралова, видного деятеля революции, заместителя наркома землемерия, президента Академии сельскохозяйственных наук. От Вадима потребовали компромат на друзей. Он отказался дать такие показания. Через некоторое время его арестовали. Случилось это в августе 1938 года. К тому времени его отец уже был арестован.

Приговор

Доводилось читать многие дела тех, кого обвиняли по различным пунктам печально известной статьи 58 Уголовного кодекса того «смутного» времени. Но такого приговора читать не приходилось. Он гласил:

- Осужден за участие в контрреволюционной группе детей врагов народа, занимавшихся антисоветской агитацией, выражавшейся в том, что они не были согласны с арестом их родителей.

И дали за это Вадиму Ясному пять лет лагерей. Начинал он отбывать свой срок в Мончегорлаге.

Везение

по-гулаговски

Как там в мемуарах сказано? «У каждого был свой лагерь, свое понимание того, что происходило. Каждый писал о своем. Это были разные стороны одной большой правды».

По мнению прошедшего через разные лагеря Ясного, многое зависело от везения. Ему, как он полагает, везло.

Первая ступень везения - попал в стационарный лагерь. К тому же с «либеральными» порядками - Мончегорлаг.

Вторая ступень везения - к моменту ареста был молод и здоров.

В-третьих, Мончегорский лагерь нуждался в квалифицированной рабочей силе. Те, кто имел специальность, нужную стройке, попадал в особые бригады. Ясный до института закончил ФЗУ, проработал несколько лет на Московском автозаводе имени Сталина. Так что тачку довелось возить всего один месяц и двадцать два дня. Определили вскоре в бригаду электриков. Работа, хоть и на холода, но преимущественно за закрытыми стенами: прокладка кабелей, установка двигателей, монтаж и пуск аппаратуры.

О четвертой ступени везения скажем особо. Она была в том, что, как вспоминает Вадим Ясный, «вокруг было много хороших, порядочных, культурных и не унывающих людей».

Его бригада состояла из специалистов высочайшего класса, руководивших до лагеря монтажом и строительством крупных электротехнических объектов, инженеров, студентов. Были и исключительные люди - Аверин, заместитель наркома путей сообщения времен еще гражданской войны, Саша Маргеляк - руководитель одесского комсомола двадцатых годов. Старшие в бригаде тоже были «молодыми». Каждый имел по 25 лет лагерей. «Атмосфера в бригаде была сердечной», - пишет Ясный.

А еще рядом с ним были...

Подопечный Зяма Авербух. Из друзей Ханки Ганецкой. «Грех» за них был большой, ведь его отец был членом исполнкома Коминтерна, секретарем ЦК компартии Египта и Палестины. Да и сам Зяма четыре года прожил с отцом в Палестине. А далее по отработанной схеме: взяли отца - не забыли про сына.

Еще один лагерный друг - Зуфар Таджиев. До ареста в свои двадцать с небольшим - ответственный секретарь газеты

му кормили так, что можно было держаться. По крайней мере, так говорили те, кто бывал в иных лагерях.

Короткие выдержки из мемуаров:

«Мы старались работать на совесть. Не из-за страха лишиться пайки или попасть в штрафной изолятор. Туда был и более короткий путь: у нас в бригаде был свой персональный стукач. И когда приходили праздники (7 ноября или 1 Мая), кто-то оказывался в изоляторе на 2-3 дня, для профилактики и в назидание другим.

Посильная работа, а таковой она была в нашей бригаде, помогала забыться, отогнать тревожные мысли. А их хватало с избытком. Опять и опять: что произошло, почему именно ты попал сюда? Почему ты - верный, преданный, а не тот, кто действительно делал что-то против существующего строя?

...Но, какие бы послабления нам ни давали, мы не должны были забывать, что мы злодеи, преступники и должны перевоспитываться. И для этого существовала культурно-воспитательная часть - КВЧ.

В центре зоны располагался клуб. Там проводились воспитательные собрания, показывали кино. И, главное, был драмкружок. У кого хватало сил, кто был помоложе, дотягивались сюда после работы. Когда входили в клуб - забывалось, где ты. И мы сами себя культурно воспитывали. К примеру, репетировали очередную пьесу модного тогда Корнейчука».

Самое радостное воспоминание

Лето 1939 года. Либеральные порядки Мончегорлага. Получено разрешение на свидание с матерью. Вадима вызывали

ют на вахту. Это особое место лагеря. Через ворота колонны идут на работу. Там ожидали конвой и после пересчета голов, в зависимости от объекта работ, отправляли в путь либо пешком, либо к теплушкам. Вахта рядом с воротами. Кабина вохровцев (это охрана. - Г.Л.) и узкий проход. И в этом проходе, где и двоим трудно разминуться, стоят две шаткие табуретки. Между ними вохра. На табуретке, что ближе к выходу, - мама...

Читаем в мемуарах:

«Хочу кинуться к ней, обнять, но бдительный страж хватает меня: не положено, можно только говорить. И мы сидим на табуретках, приходится поминутно съе-

Фото из архива

△ Опытный завод. 1938 год.

«Кызыл Узбекистон». Его семья принадлежала к узкой прослойке дореволюционной байской интеллигенции, которая училась в Кембридже или Оксфорде. Его дядя был первым советским послом в Йемене, отец - один из членов правительства Таджикистана. Все старшее поколение погибло в 37-м. В 1938 году пришла очередь детей.

Лагерные будни

Мончегорлаг был стационарным. Строился наркоматом цветной металлургии первый в стране медно-никелевый комбинат. Наркомату нужна была рабсила, которая в состоянии была бы работать. Поэтому

живаться, пропуская людей. От растерянности не находятся слова. А если вдруг начинаешь рассказывать, то сразу прерывает охранник. Впрочем, не надо никаких слов. Главное - мы видим друг друга. Мы вместе. И эти такие мгновенные, такие бесконечные два часа...

А на следующее утро - развод. Лето. Светло. И вдруг вижу - притулившись к стене барака, стоит мама. Сколько времени ждала она?.. К счастью, пару минут бригада стоит, не проходит. Потом начинаем медленно двигаться. Мы ничего не можем сказать друг другу, только машем рукой. И все...

Больше свою маму Вадим Ясный не увидит. Потому что вскоре начнется война. А пока... Пока строится Североникель, город и работа для Ясного есть не только в зоне, но вне ее. И тогда возникает некая свобода, потому что надо согласовывать проекты, получать чертежи в проектном отделе, нужно дать задание электрикам на объектах.

А посему еще одно воспоминание:

«...Я особенно ждал посещение проектного отдела. Большинство в той группе, с которой я общался, составляли женщины, преимущественно молодые чертежницы, копировщицы, машинистки. Они сразу же меня окружали, знали, что человек пришел из зоны. Да еще такой молодой. Бесконечные вопросы: кто, откуда, за что, на сколько?.. В вопросах искреннее сочувствие, сострадание, желание помочь. И тут же появлялся чай с пирожными. Но дело не в них, а в добром стремлении сделать мне что-то хорошее. А ведь большинству из них было не намного легче. У кого родители были в лагере, а кто-то был из семей раскулаченных, сосланных сюда, в Заполярье. Я запомнил вас. Вы на всю дальнейшую лагерную жизнь облегчили мою участь. И прибавлялось сил, чтобы выдержать ее...»

Как луч света

Никак не ожидал встретить у Вадима Ясного эти строки. Гимн нашей природе. Слова в честь ее небывалого воздействия на человека.

«Чудо зимней полярной ночи. Удивительная чистота иссиня-черного неба. Безмолвие. И восходит созвездие - пояс Ориона. И звезды ослепительно сияют. И на мгновение забываешь - где ты. Какое-то чувство приобщения ко вселенной, и на короткое время на душу нисходит покой...»

Это тоже помогло выстоять. Освобождение придет в 1943 году, реабилитация - лишь в 1954-м. А понимание того, что случилось, - значительно позже. Книга была издана спустя 43 года после реабилитации.

Геннадий ЛЕЙБЕНЗОН